

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

МОСКВА 1980

И (Араб)
А 17

Перевод с арабского
А. Б. ХАЛИДОВА, Б. Я. ШИДФАР

А17 Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани
Книга песен. Пер. с араб. А. Б. Халидова,
Б. Я. Шидфар. М., Главная редакция восточной
литературы издательства «Наука», 1980.

671 с.

«Книга песен» — один из самых интересных и значительных памятников арабской классической литературы, в котором автор-составитель Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани (X в.) собрал лучшие из известных в то время стихотворений, дополнил их сведениями об истории создания стихов и о поэтах.

На русский язык переводится впервые.

А 70304-017
013(02)-80 194-79. 4703000000

И(Араб)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Книга песен» — один из самых грандиозных памятников арабской литературы, созданный в Багдаде немногим более тысячи лет назад. Она весьма внушительна по своим размерам: двадцать четыре ее части составили столько же печатных томов в новейшем критическом издании. Название книги верно отражает ее содержание, в ней действительно приводятся слова арабских песен, но состоит она не только из текстов песен — их едва набралось бы на один том не очень большого объема. Песни даются не изолированно, а в широком поэтическом контексте, вводятся и сопровождаются прозаическими рассказами. В прозаической части сочинения главное внимание уделено поводам и обстоятельствам создания стихов и музыки, родословным поэтов и певцов-музыкантов, отдельным моментам их творческой биографии и вообще разнородным сведениям о тех сторонах культурной жизни арабского общества, которые связаны с вокальным искусством, поэзией и музыкой.

В «Книге песен» развернута историческая панорама арабского пения и арабской поэзии примерно на протяжении четырех-пяти столетий, с V—VI по начало X в. Но нельзя назвать эту книгу трудом по истории арабской песни или песенной поэзии: мы не найдем здесь какой-либо концепции ее рождения, эволюции, взлетов и падений или хотя бы чередования песен во временной последовательности. В ней выхвачены некоторые моменты, факты, события и при этом сообщаются чрезвычайно интересные и ценные сведения, которые ярко освещают важнейшие периоды истории арабской поэзии и песни.

Об авторе или, вернее было бы сказать, составителе «Книги песен» мы знаем очень немного, хотя он стал знаменит благодаря своей книге и биографические заметки о нем встречаются в ряде источников. Эти заметки дают отрывочные сведения, которые складываются в мозаичную картину. Известны его имя и родословная, крайние даты жизни, место рождения и смерти, перечни

его учителей и написанных им трудов, некоторые эпизоды из разных периодов жизни, сообщения о ряде его индивидуальных черт и привычек, отзывы разных лиц о нем.

Звали его Абу-ль-Фарадж Али ибн аль-Хусайн аль-Катиб аль-Исфахани. Компоненты, из которых состоит это имя, следующие: собственное имя — Али, данное вскоре после рождения; имя его отца — аль-Хусайн; прозвание по месту рождения — аль-Исфахани («исфаханец»); прозвание по роду занятий — аль-Катиб («писарь», «секретарь», «чиновник») и второе имя — Абу-ль-Фарадж (букв. «Отец радости»), которое обычно получает юноша или взрослый мужчина (по ожидаемому или первому ребенку, как прозвище). Наиболее распространенная форма имени нашего автора — Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани. Источники дают его имя и в более развернутом виде, отражающем его родословную в полутора десятках поколений и родо-племенную принадлежность. Оно показывает (приводить его мы не станем), что наш автор был отпрыском одного из самых знатных родов Арабского халифата — рода Омейядов (или Умайядов) из мекканского племени Курайш.

Еще в начале VII в. клан Омейи в Мекке считался аристократическим и богатым; его члены долго не признавали пророческих притязаний своего соплеменника Мухаммада, были самыми упорными противниками нарождающегося ислама и гонителями ранней исламской общины. Обратившись под давлением обстоятельств в ислам, они скоро заняли влиятельное положение в мусульманском государстве. Представитель этого клана Муавия в остром соперничестве с Али (двоюродным братом и зятем Мухаммада) и его сторонниками занял в 661 г. халифский трон и стал родоначальником династии Омейядов (661—749); наш автор Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани был по мужской линии прямым потомком последнего халифа из этой династии. Удивительно только, как его предкам удалось остаться в живых при поголовном истреблении Омейядов после их свержения и прихода к власти Аббасидов (возводивших свой род к другому родичу Мухаммада — его дяде Аббасу). Вероятно, они долго скрывались. Во всяком случае, непосредственные предки Абу-ль-Фараджа ничем особенно не прославились и в исторические анналы не попали. Неизвестно, каким образом семья, в которой родился будущий литератор, оказалась в иранском городе Исфахане.

Средневековые источники с удивлением отмечают, что Абу-ль-Фарадж был шиитом, т. е. сторонником потомков того самого Али, с которым вели ожесточенную борьбу его предки в середине VII в. Можно думать, что при Аббасидах уцелевшие потомки Омейядов забыли старые распри и прониклись сочувствием к шиитам, находившимся в оппозиции; быть может, именно сближение с шиитами помогло одному из предков Абу-ль-Фараджа легализоваться и даже обрести некоторый материальный достаток. Впрочем, Аббасиды могли утратить всякий интерес к преследованию Омейядов,

когда те перестали представлять реальную угрозу их власти. Да и соотношение внутриполитических сил к X в. изменилось: единство и могущество халифата были уже в прошлом, с середины IX в. власть аббасидских халифов стала, в сущности, иллюзорной, реально же в центральных областях хозяйничали Буиды и Хамданиды. Обе эти династии, первая дейлемского (иранского) происхождения, а вторая бедуинского (арабского), придерживались шиитского направления. Так что принадлежность к шиитству в это время могла быть вполне оправданной идейно-политическими соображениями, а не личным чудачеством.

Несмотря на децентрализацию политической власти, роль Багдада как экономической и культурной столицы вполне сохранялась. Сообщают, что Абу-ль-Фарадж Али аль-Исфахани родился в Исфахане в 284/897 г., а образование получил в Багдаде; но нет данных о том, в каком году и по какой причине его семья переехала в Багдад и сколько ему было тогда лет. Не подлежит сомнению, однако, что семья эта принадлежала к зажиточному сословию и юный Али имел доступ к образованию в соответствии со своими склонностями.

Имена его учителей известны, их даже слишком много, чтобы перечислять всех. Среди них целая плеяда блестящих ученых Багдада начала X в.: Ибн Дурайд, Ибн аль-Анбари, аль-Фадль аль-Джумахи, аль-Ахфаш Младший, Нифтавайх, ат-Табари, Джахза, Ибн аль-Марзубан, Джафар ибн Кудам, Яхья ибн Али ибн Яхья аль-Мунаджжим, аль-Хасан ибн Мухаммад и др. Однако источники, подробно называя имена учителей, ничего не говорят о годах его учения (учился ли он на дому или в школе, один или со сверстниками, долго или кратковременно), как не дают и конкретных сведений о его семье, родственниках, воспитании, домашней жизни и т. п. О предметах, которым обучался Абу-ль-Фарадж, можно судить по косвенным данным, по его сочинениям и отзывам о характере его эрудиции.

В соответствии с духом эпохи направление полученного им образования было гуманитарным, но не богословско-юридическим, а историко-литературным. По всей видимости, элементарной грамоте, счету и Корану он обучался дома, а затем продолжил более углубленное изучение арабской грамматики, просодии и метрики, лексикографии и поэтики под руководством различных учителей. С особым увлечением он занимался арабскими генеалогиями и историческими преданиями. Многие отмечают, что у него была хорошая память; его современник ат-Танухи говорил, что не знает другого человека, который хранил бы в своей памяти столько «стихов, песен, известий, сказаний, преданий с иснадами и родословных», сколько Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани. Он был адибом и надимом, т. е. блестяще образованным человеком и мастером вести застольные беседы в компании. Он знал об охотничьих птицах и их лечении, о медицине и астрологии, о напитках и всем прочем столько, сколько это нужно для надима. Кроме того, он был поэтом, который удостоивался всяческих похвал. Значительную

часть своих знаний и умений он мог, конечно, приобрести не только в годы учения в молодости, но и в результате самообразования впоследствии.

О профессиональных занятиях и образе жизни Абу-ль-Фараджа мы располагаем также лишь несколькими разрозненными сообщениями. Как упоминалось выше, он носил прозвище аль-Катиб, но неизвестно в точности, когда и где он состоял на государственной службе. Есть сведения, что он в течение длительного времени дружил с аль-Хасаном ибн Мухаммадом аль-Мухаллаби, потомственным арабским сановником, который в 950—963 гг. занимал должность везира при бундском эмире Муизз ад-Даула, фактическом правителе Багдада и его области в 945—967 гг. Можно было бы думать, что Абу-ль-Фарадж состоял чиновником в канцелярии аль-Мухаллаби, но во всех сохранившихся рассказах об общении и встречах этих двух лиц последний выступает как меценат, почитатель таланта, снисходительный друг и покровитель первого, а Абу-ль-Фарадж — как сотрапезник и панегирист, позволявший себе иногда вольности и насмешки в адрес своего покровителя. Сведений или даже намек на то, что Абу-ль-Фарадж был простым служащим-канцеляристом, нет. Сохранился рассказ о том, будто бы Абу-ль-Фарадж служил катибом у Руки ад-Даула (бундского правителя области в Центральном Иране) и у него возникли трения с везиром Ибн аль-Амидом. Если этот рассказ достоверен, остается предположить, что Абу-ль-Фарадж некоторое время жил в Рее (древнем городе, развалины которого находятся близ современного Тегерана). Только у Ибн Халдуна (XIV в., Северная Африка и Египет) наш автор назван судьей (*кади*) — вероятно, по какому-то недоразумению.

Большую часть жизни Абу-ль-Фарадж, по всей видимости, прожил в Багдаде как частное лицо и представитель свободной профессии литератора, пользуясь определенным достатком и покровительством власть имущих. Едва ли соответствующей действительности предположение, высказанное авторитетным знатоком и исследователем арабской литературы К. Броккельманом, будто Абу-ль-Фарадж был странствующим литератором. В Багдаде у него был свой дом на берегу Тигра в аристократическом квартале, рядом с домом крупного сановника аль-Бариди. Рассказы об отдельных эпизодах жизни Абу-ль-Фараджа относятся в большинстве случаев к его пребыванию в Багдаде: на застолье у аль-Мухаллаби он читает свои стихи; друзья навещают его дома по какому-то делу и долго стучатся в двери его дома; Абу-ль-Фарадж на багдадском книжном базаре сидит в лавке одного из *варраков*, переписчиков-книготорговцев, и, прислушиваясь к тому, как в соседней лавке нараспев декламируют и обсуждают стихи, вмешивается в разговор, причем его тонкое эстетическое суждение обнаруживает безупречный вкус и знание предмета и т. п. Он сам рассказывает о том, как на пасху навещал со своим другом «Монастырь лисиц», чтобы выпить там вина и полюбоваться на праздничную толпу христиан; как спустился однажды по реке вниз до Басры и был вынужден ночевать в караван-сараях.

Но при этом каждый раз исходным пунктом его путешествий является Багдад.

В рассказах об индивидуальных привычках, внешнем облике и характере Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани отмечается, что он был толст, прожорлив и крайне неряшлив и неопрятен; эти его черты были особенно заметны в сравнении с везиром аль-Мухаллаби, который отличался особой чистоплотностью и брезгливостью. Но Абу-ль-Фарадж много знал и был остроумным собеседником, так что везиру приходилось терпеливо сносить его неприятные привычки. Другим тоже зачастую претила неопрятность и неаккуратность Абу-ль-Фараджа, но им тоже приходилось мириться с этим: его побаивались из-за его острого языка, он легко сочинял резкие сатиры и мог зло высмеять кого угодно.

Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани прожил 70 солнечных, или 72 лунных, года и скончался в Багдаде в 356/967 г. В том же году умерли три могущественных мусульманских властителя того времени — Муизз ад-Даула в Багдаде, Сайф ад-Даула в Халебе и Кафур в Каире; и это совпадение не осталось незамеченным биографами нашего автора и летописцами. Впрочем, в конце жизни Абу-ль-Фараджа считали сумасшедшим, очевидно, он впал в старческий маразм.

«Книга песен» была главным литературным трудом Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани, вместе с нею он сам вошел в историю; нередко его просто так и называли — «автор „Книги песен“» (*сахиб китаб ал-агани*). Но ему принадлежало еще около трех десятков сочинений, которые в большинстве не сохранились, хотя еще в начале XIII в. почти все были доступны арабскому писателю Якуту. Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани составил полные собрания стихотворений (*диваны*) Абу Таммама, аль-Бухтури и Абу Нуваса — наверное, своих любимых поэтов. Другая группа его сочинений была посвящена генеалогиям арабских племен и отдельных родов, сказаниям о межплеменных стычках и битвах до ислама; третья — известиям и рассказам о знаменитых певцах и певицах, в основном рабах и рабынях. Наконец, у него было несколько сборников и трактатов на разные темы, среди которых выделяется исторический труд «Книга об убийстве Талибитов», который дошел до наших дней и был издан. Нетрудно заметить, что почти все сочинения Абу-ль-Фараджа связаны так или иначе с «Книгой песен», универсальной по своей историко-литературной тематике; быть может, они представляли собой просто заготовки к ней и после ее завершения утратили самостоятельное значение, выпали из обихода и преданы забвению.

История создания «Книги песен» известна не очень отчетливо. В своем предисловии Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани пишет, что взялся за ее составление, побуждаемый к тому одним высокопоставленным лицом, и затратил на то большие усилия, но не уточняет, сколько времени он работал и кто это высокопоставленное лицо. Столь осторожное высказывание о человеке, который выступил инициатором или скорее всего поощрил автора книги,

нужно понимать, очевидно, в том смысле, что открытое упоминание о нем стало небезопасным; иначе Абу-ль-Фарадж должен был бы заявить о нем во весь голос, как это обычно делалось в феодальную эпоху. Различные рассказы биографов Абу-ль-Фараджа заставляют предполагать, что лицом, которому он посвятил «Книгу песен», мог быть только везир аль-Мухаллаби. Последний незадолго до своей смерти в 963 г. впал в немилость у Муизз ад-Даула, и только скорострительная смерть спасла его от неминуемой опалы (тем не менее все его имущество было посмертно конфисковано). Если «Книга песен» была завершена в промежуток времени между 963 и 967 гг., что наиболее вероятно, то становится понятной сдержанность автора в предисловии.

С другой стороны, мы имеем рассказ о диалоге, который якобы произошел между аль-Мухаллаби и Абу-ль-Фараждем. На вопрос «За сколько времени ты собрал эту книгу?» последний ответил: «За пятьдесят лет». Этот ответ, если он в действительности имел место, содержит явное преувеличение, и его не следует понимать буквально. К моменту смерти аль-Мухаллаби Абу-ль-Фараджу было 67 лунных лет, и, к какому бы времени ни приурочить тот разговор, с начала литературной его деятельности не могло пройти столетия. Неизвестно также, был ли к тому моменту труд завершен. Верно истины заключается, видимо, в том, что Абу-ль-Фарадж всю свою сознательную жизнь копил материалы для этой книги и начал это задолго до знакомства с аль-Мухаллаби, т. е. по собственному почину, и в виде заготовок или, наоборот, законченных частей книга уже была известна в узком кругу его друзей.

Противоречивы известия и об авторском черновике и о первой чистой копии «Книги песен». Согласно одной версии, Абу-ль-Фарадж переписал ее в своей жизни один раз, подарил этот единственный авторский экземпляр Хамданиду Сайф ад-Даула, правителю государства со столицей в Халебе, и получил гонорар в тысячу динаров. Не уточняется при этом, состоялась ли их личная встреча, или переговоры велись через посредника; вернее предположить, что личного общения не было. Согласно другой версии, омейядский халиф в аль-Андалусе (мусульманской Испании) аль-Хакам II отправил своего поверенного к Абу-ль-Фараджу с тысячами золотыми динарами и тот послал ему экземпляр «Книги песен» раньше, чем выпустил ее в Ираке. Эти две версии не вполне согласуются между собой, но не исключают друг друга; они свидетельствуют, что после смерти аль-Мухаллаби в Багдаде ни Муизз ад-Даула, ни халиф, ни кто-либо из их окружения не сумел оценить по достоинству «Книгу песен» и отметить ее завершение щедрым гонораром. Зато быстро отреагировали (не без инициативы автора) те, кто претендовал на роль просвещенных монархов и покровителей арабской литературы, зорко и ревниво следил за новинками багдадской культурной жизни. — номинальный вассал халифа, шийит Сайф ад-Даула, и прямой соперник Аббасидов, кордовский Омейяд аль-Хакам II; последний имел

основания особо благоволить к Абу-ль-Фараджу как к своему родственнику (сложилась даже легенда, будто Абу-ль-Фарадж вообще писал втихомолку книги и отправлял их Омейядам в аль-Андалус за щедрое вознаграждение).

Как бы то ни было, книга была обнародована и вскоре нашла признание; быть может, интерес подстегивался тем вниманием к автору книги, которое проявляли два названных монарха. Ас-Сахиб ибн Аббад, везир правителя из другой ветви династии Буидов (со столицей в Рее) и тщеславный книголюб, проникся черной завистью к Сайф ад-Даула и даже обвинил его в скупости; однако он не мог выдвинуть такого обвинения раньше, чем сам получил экземпляр той книги, а когда это произошло, неизвестно — наверное, уже после смерти автора и Сайф ад-Даула. Ас-Сахиб восторженно отзывался о «Книге песен», говорят, что он даже отказался от привычки возить с собой целую библиотеку и стал взамен брать ее одну.

Есть сообщение о том, как член мосульской ветви династии Хамданидов Абу Таглиб купил через посредника у книготорговца в Багдаде экземпляр «Книги песен» за 10 тысяч дирхемов и заявил потом, что тот потерпел убыток, поскольку книга стоила много дороже. Про самого могущественного царя из династии Буидов, Адуд ад-Даула (ум. в 978 г.), его секретарь рассказывал, что он не расставался с «Книгой песен» ни в пути, ни на стоянке и что она стала ему собеседником, с которым он свылся, и другом, возле которого он находил отдохновение и покой. Таким образом, уже в X в. экземпляры книги оказались на руках в разных концах арабско-мусульманского мира, но характерно, что владельцами их были высокопоставленные и богатые люди. Рукопись книги такого объема стоила, видимо, необычайно дорого.

Понятно, что в этой обстановке огромный интерес вызывал авторский черновик. Якут сохранил, к сожалению, недатированный, но восходящий к X в. рассказ некоего Абу Джафара Мухаммада ибн Яхьи ибн Ширзада: «Дошло до меня, что черновик „Книги песен“, то есть оригинал Абу-ль-Фараджа, был вынесен на книжный базар в Багдаде на продажу. Я послал за Абу Курабой, которого просил связать меня с владельцем, чтобы я мог купить у него тот черновик для себя; он пришел ко мне и сообщил, что черновик продали на аукционе за четыре тысячи дирхемов и что большая его часть писана на использованных листах почерком *талих*, что куплен он для Абу Ахмада ибн Мухаммада ибн Хафса. Я обратился к Абу Ахмаду с письмом, но он уверял, будто ничего об этом не знает. Я всячески старался расследовать дело, но не смог ничего добиться». Если уже в самом Багдаде книголюбы X в. не могли разыскать авторских черновиков, позднее они тем более никому не были доступны.

На долю «Книги песен» Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани выпал большой успех. Не только после ее появления мусульманские власти наперебой стремились приобрести ее копию, не останавливаясь перед затратами, но только в X в. так упорно, хотя и безуспешно, разыскивали авторские чер-

новики или близкие к автографу списки. Она вошла в золотой фонд классической арабской литературы, ознакомиться с нею считали себя обязанными все образованные люди, на протяжении веков ее изучали и переписывали десятки людей. Чем же объясняется такая популярность? Ведь «Книга песен» не первая и далеко не единственная антология арабской литературы.

Арабы-бедуины, подобно многим пастушеским народам, обладали очень богатой и глубоко самобытной поэзией, которая прошла долгий путь развития в недрах устного народного творчества и достигла высокого расцвета в индивидуальном творчестве поэтов V—VI вв. Едва ли не у всех народов искусство слова начиналось с поэзии, но мало найдется примеров, когда устная поэзия какого-либо народа, подобно арабской, была бы записана с такой полнотой и сохранялась с таким вниманием. Когда арабы в VII — начале VIII в. создали свою огромную империю — халифат — и сделали свой язык государственным, пробудился громадный интерес к тому, что на этом языке когда-либо было сказано и сочинено. В городах Куфа, Басра, Дамаск, Васит, Багдад и др. в VIII и IX вв. действовали десятки активных и продуктивных филологов, которые расспрашивали всех арабов, помнивших стихи, предания, сказания своего народа; зачастую они специально ездили по бедуинским кочевьям и создали многочисленные книги, сборники произведений арабской устной словесности. Эти произведения не скопаялись мертвым грузом на страницах книг, но снова и снова входили в оборот, читались и обсуждались вслух в придворных кругах, среди феодальной интеллигенции и городской богемы.

К тому времени, когда Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани вступил на литературное поприще, деятельность по письменной фиксации арабской устной словесности велась уже несколькими поколениями филологов, по крайней мере в течение 200 лет. Ему вовсе не было необходимости ездить к бедуинам, достаточно было послушать видных филологов, побывать на багдадском книжном базаре и в многочисленных библиотеках города, посещать людные места, различные собрания, кружки и застолья, где арабские произведения читались, декламировались, исполнялись в музыкальном сопровождении.

Действительно, Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани называет десятки письменных источников, трудов своих предшественников, из которых он черпал материал. Сама идея создания «Книги песен» также не оригинальна и не принадлежит ему. До него было по крайней мере два автора, которые уже предпринимали подобный опыт. Кроме того, он ссылается на многих устных информаторов, своих современников. Недостатка в материале он не испытывал, наоборот, среди необозримого количества информации ему предстояло сделать отбор, по-своему организовать выбранное, расположить и единообразно изложить.

Организующий принцип он нашел в рассказе о том, как еще во времена Харуна ар-Рашида (786—809) путем опроса и обсуждения было проведено

нечто вроде конкурса на лучшую арабскую песню; отбор происходил в несколько этапов. сначала было выбрано сто лучших песен, потом из ста отбрали десять, из десяти — три, из трех — одну. Отталкиваясь от этого рассказа, правдивого или вымышленного, Абу-ль-Фарадж строит свою книгу, повествуя сначала о трех избранных песнях, а потом об остальных ста. Ради этого принципа он отказался от хронологического и тематического способов расположения материала, обычно принятых арабскими филологами. В связи с каждой песней он излагает повесть о поэте, создавшем слова этой песни, и о певце-музыканте, сложившем мелодию и впервые ее исполнившем. Поскольку певцов-музыкантов оказалось значительно меньше, чем арабских поэтов, то рассказы о певцах заняли место в начале книги, а рассказы о поэтах равномерно распределились по всем двадцати четырем ее частям. Если рассказы об одном поэте были слишком обильны, Абу-ль-Фарадж считал возможным разбить их на две или три группы.

Основным достоинством избранного автором принципа построения его книги явилось то, что ему удалось таким способом показать глубоко народную музыкально-песенную основу всей арабской поэзии. Это выгодно отличает его книгу от всех других антологий арабской литературы. Несмотря на наличие ряда предшественников, он создал книгу оригинальную, которая прямо-таки раскрыла глаза современникам на арабскую поэзию и арабскую песню.

В остальном Абу-ль-Фарадж заботился о том, чтобы его книга была занимательной. Следуя ассоциативным связям, он вольно и непринужденно нанизывает один к другому рассказы о разных забавных случаях, острых ситуациях, в которых были брошены меткие реплики или экспромтом сочинены стихи, о трагических или комических происшествиях, бытовых сценах или даже просто приводит сплетни из придворной жизни и т. п. Такое изложение считалось главной прелестью и достоинством литературного произведения в средние века на Арабском Востоке: сочетать полезное и приятное, воспитывать не докучая, развлекать поучая, переходить от одной темы к другой и добиваться за этот счет разнообразия.

Мозаичная ткань «Книги песен» складывается зачастую из прямых или скрытых цитат. Буквально цитируя разные рассказы, легенды, сказания (наряду со стихами и текстами песен), автор доносит до нас арабскую прозу такой, как она звучала в прошлые эпохи. «Книга песен» поэтому является также хрестоматией по арабской прозе VI—X вв. Богатейший ее материал в этом плане еще почти не исследован. В то же время автор не мог совершенно избежать вмешательства в передаваемые им прозаические тексты и вносил в них по меньшей мере стилистические изменения. Часто он прибегал к пересказам и кратким переложениям, сводил несколько версий в одно сплошное повествование или выбирал одну из версий, отбрасывая другие. Свою творческую роль он оценивал очень скромно, но проявил отменный художественный вкус. Качество прозы Абу-ль-Фараджа, безус-

ловно, способствовало успеху его книги. Современные исследователи, как арабские, так и европейские, единодушны в оценке высоких литературных достоинств прозы «Книги песен».

Вместе с тем в одном из самых существенных моментов автор потерпел неудачу, хотя он и неповинен в этом. «Книга песен» посвящена арабской музыке, но способ ее записи Абу-ль-Фарадж не знал, их просто еще не существовало. Ему приходилось описательными средствами передавать, как следует петь ту или иную песню, как звучит мелодия, как исполняется аккомпанемент на арабской (заимствованной у персов) лютне, каким пальцем и на какой струне задается ритм и тональность. Понять и практически использовать эти описания могли, вероятно, только искусные в арабской музыке люди, да и то лишь современники. Поэтому вопреки авторскому замыслу впоследствии его труд рассматривался главным образом как литературная антология, а нынешние ученые затратили немало усилий на попытки адекватно расшифровать его музыкальную терминологию.

С «Книгой песен» знакомились многие поколения арабских литераторов, и она имеет долгую литературную и рукописную историю. Уже с начала XI в. делались попытки создать ее сокращенные и обработанные варианты. Ряд видных деятелей арабской культуры оставили свои восторженные отзывы о «Книге песен». Например, упоминавшийся уже Якут: «Клянись жизнью, эта книга полна полезных сведений и соединяет в себе истинно серьезное и искренне шутовское... я перечитывал ее много раз, переписал собственноручно ее копию в десяти томах, очень многое заимствовал из нее». Ибн Халдуун (XIV в.): «Это *диван* арабов, который объединяет в себе самые различные достижения, какие у них раньше были во всех областях поэзии, истории, пения и др. Нет, насколько я знаю, такой книги, которая могла бы с нею в том сравниться, это — предел».

Были, однако, и весьма недоброжелательные отклики. Так, благочестивый историк XII в. Ибн аль-Джаузи пишет: «Он (Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани) был шнитствующим, и такому, как он, не следует верить в передаче, ибо он открыто излагает в своих книгах то, что навлекает на него подозрение в беспутстве, он стремится к питью вина и часто рассказывает это о себе. Кто внимательно прочтает „Книгу песен“, тот увидит все безобразное и отвратительное». Имеется также суровый отзыв реакционного богослова Ибн Таймии.

В настоящее время сохранившиеся рукописи разрозненных томов различных экземпляров книги содержатся в десятках хранилищ многих стран мира; среди них есть отдельные тома роскошных старинных экземпляров (например, начала XIII в.), писанных знаменитыми каллиграфами, украшенных цветными заставками и фронтисписами, где указаны имена монарших заказчиков и владельцев (эти фронтисписы не имеют ничего общего с содержанием книги, а иллюстрируют главным образом такие темы, как охота, восшествие на трон, слушание музыки и танцы). Рукописи в совокупности

дают полный текст сочинения (насколько можно судить, не располагая автографом или прямыми копиями с него).

В XIX в. интерес к этому памятнику вновь возродился и дважды в Египте было осуществлено его двадцатитомное издание. Но оба справедливы были признаны неудовлетворительными, и в 1927 г. было начато критическое издание «Книги песен», подготовлявшееся постепенно трудами специальной комиссии из видных египетских филологов при Дар аль-кутуб — Национальной библиотеке — и книгоиздательстве Египта. Издание растянулось почти на сорок лет и завершилось в 1974 г.; естественно, состав комиссии и исполнители отдельных томов за это время не раз менялись. Но в этом издании не были учтены все сохранившиеся рукописи произведения. Все же оно является лучшим из существующих, и на нем основаны публикуемые в этой книге переводы.

Европейские арабисты давно обратили внимание на «Книгу песен» и используют ее как сокровищницу филологической и исторической информации. Итальянский арабист И. Гвиди выпустил в 1900 г. специальный том с указателями к египетским изданиям XIX в. Но ни на один из европейских языков «Книга песен» пока не переводилась ни целиком, ни частично (разумеется, за исключением отдельных цитат в специальных трудах).

При создании плана издания «Всемирная литература», который в 20-х годах был подготовлен под руководством М. Горького при участии видных советских специалистов-литературоведов, была выдвинута смелая задача перевода «Книги песен» на русский язык, но выполнить ее до сих пор не удается. Настоящее издание ставит перед собой лишь скромную задачу — сделать первый шаг в этом направлении, предварительно ознакомить советского читателя с этим выдающимся памятником арабской литературы в выборочных и сокращенных переводах.

В выборе отрывков для перевода мы следовали, можно сказать, методу самого Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани: взяли несколько ярких страниц из истории арабской поэзии, как она представлена в «Книге песен». Предпочтение было отдано эпохе расцвета арабской поэзии и песни в VIII—IX вв., хотя включены и некоторые более ранние образцы.

Зато при сокращении переводчики до некоторой степени шли против воли Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани, но в духе тех арабских литераторов, которые создавали еще в средние века сокращенные версии «Книги песен». Действительно, были исключены два самых дорогих сердцу автора элемента: *иснады*, генеалогии людей, о которых он рассказывает, и музыкально-исполнительские характеристики песен. Родственные связи и взаимоотношения отдельных личностей, кланов, племен и союзов племен, арабов и неарабов, входивших в состав арабских племен в разные периоды и на разных условиях, давно утратили актуальность и представляют только исторический интерес; тем более они излишни в переводе произведения как литературного памятника. Классификация арабских песен по их музыкальным

характеристикам и способу аккомпанемента и вокального исполнения теряют свою привлекательность для читателя и своей устарелостью, и неясностью герминологии. Иногда при переводе опускались также параллельные версии приведенных рассказов.

Произведенные сокращения, определяемые в первую очередь указанными выше задачами издания, никак не исключают возможность и даже необходимость осуществления в будущем полного академического перевода памятника с подробным комментарием (здесь переводчики ограничились лишь краткими пояснительными примечаниями). Однако переводчики надеются, что публикуемая выборка даст советским читателям представление о содержании памятника и его общем характере, о его композиционных и стилистических особенностях.

А. Б. Халидов

СОДЕРЖАНИЕ

А. Б. Халидов. Предисловие 5

КНИГА ПЕСЕН

О ста избранных песнях. <i>Перевод А. Б. Халидова</i>	24
Рассказы об Ади ибн Зайде и его родословной, о том, как он жил и как был убит. <i>Перевод А. Б. Халидова</i>	29
Рассказ об аль-Хутайе и его родословной и о причине, из-за которой он сочинил сатиру на аз-Зибрикана ибн Бадра. <i>Перевод А. Б. Халидова</i>	58
Рассказ об Имру уль-Кайсе и его родословной. <i>Перевод А. Б. Халидова</i>	85
Рассказы об аш-Шанфаре. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	106
Рассказы об Антаре ибн Шаддаде. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	117
Рассказы об Урве ибн аль-Варде. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	124
Рассказы о Хатиме ат-Тан. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	137
Рассказы об аль-Актале. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	158
Рассказы о Башшаре ибн Бурде и его родословной. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	188
Рассказы об Абу-ль-Атахии. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	257
Рассказы о Хусайне ибн ад-Даххаке. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	321
Рассказы об Ибрахиме аль-Маусили. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	374
Рассказы об Исхаке, сыне Ибрахима аль-Маусили. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	449
Рассказы об Абу Таммаме. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	541
Рассказы об Абу-ш-Шисе. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	556
Рассказы о Валибе ибн аль-Хубабе. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	564
Рассказы об Абу Нувасе и Джинан. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	570
Рассказы об аль-Бухтури. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	579
Рассказы о Дибиле. <i>Перевод Б. Я. Шидфар</i>	593
Примечания	640
Глоссарий	655

Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани

КНИГА ПЕСЕН

Редактор Н. Б. Кондырева
Младший редактор Р. Г. Канторович
Художник В. Б. Переберин
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор
Л. Ш. Берславская
Корректор Л. И. Письман

ИБ № 13755

Сдано в набор 02.04.79. Подписано к печати
10.11.80. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типограф-
ская № 1. Гарнитура академическая. Печать
высокая. Усл. печ. л. 39,06. Уч.-изд. л. 41,34.
Тираж 75 000 экз. Тип. зак. 3812. Цена 3 р. 70 к.

Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука» Москва К-45 ул. Жданова 12/1
Ордена Ленина типография «Красный пролетар-
ий». Москва, Краснопролетарская, 16.